

Однако, подумав, что премьер-министр Шэнь, который каждый год навещал сына, вряд ли мог ошибиться, Сун Цзывэнь решил, что они просто отдалились друг от друга из-за долгой разлуки.

На второй год после возвращения Шэнь Цинсюаня в Цзиньюэ борьба между принцами дома Сун достигла своего апогея. Сам же Сун Цзывэнь, будучи отвергнутым сыном, о котором отец даже не помышлял как о наследнике, мог лишь наблюдать из глубин дворца, как его высокомерные братья, прежде так кичившиеся своей властью, один за другим сходили со сцены.

Три года спустя у императора не осталось никого, кроме него.

На второй год после возвращения Шэнь Цинсюаня войска Бэйцана внезапно атаковали границы Наньнина. Армия Наньнина, не в силах сдержать натиск, раз за разом отступала.

Позже... он хорошо помнил, как в охваченном паникой зале заседаний юный Шэнь Цинсюань вызвался возглавить армию Наньнина и отправиться на фронт.

Спустя три года и три месяца захватчики из Бэйцана были изгнаны. С тех пор вся военная мощь Наньнина фактически перешла в руки Шэнь Цинсюаня.

В тот же год семнадцатилетний Сун Цзывэнь в спешке был провозглашен наследным принцем. Просто потому, что он остался единственным сыном императора.

Седьмой принц, не имевший ни титула, ни собственного поместья, словно забытый в глубине дворца, наконец предстал перед всеми.

Еще через три года Шэнь Цинсюань вернулся с победой, а император, истощенный заботами, навеки уснул во дворце Цинхуа. И только тогда все словно вспомнили о существовании забытого седьмого принца.

В том же году семнадцатилетний Сичжи блестяще сдал экзамены, став самым молодым вторым призером в истории Наньнина.

Так Сун Цзывэнь закономерно взшел на трон и стал правителем Наньнина.

Став императором, он искренне стремился быть достойным монархом, полный надежд на процветание страны. Однако долгие годы войн оставили ему лишь разоренную землю и пустую казну.

Междоусобная борьба внутри императорской семьи привела к нехватке талантливых чиновников. Хотя экзамены позволяли привлекать новые кадры, кто мог сразу же начать работать эффективно? Даже Цзянь Чжи, которого называли гением, был лишь юношей, не искушенным в хитросплетениях человеческих душ.

Внезапная смерть отца, давление со стороны трех регентов, оставленных при дворе, — для принца, который никогда не учился искусству управления государством, всё это было непосильной ношей.

Он не умел располагать к себе людей, не знал, как одерживать победы на расстоянии. Горя сердцем, в конце концов он осознал, что совершенно ничего не смыслит в управлении.

Тем более что природа наградила его красотой, перед которой меркла даже первая красавица Цзиньюэ, госпожа Цзыин из поместья маркиза Жунъань.

Сколько же людей при дворе начали смотреть на него с нечистыми помыслами?

Именно тогда, когда он оказался в тупике, Шэнь Цинсюань протянул ему руку помощи.словно утопающий за спасительный плот или путник в темноте за луч света, он без оглядки доверился Шэнь Цинсюаню.

Как и десять с лишним лет назад, когда они встретились впервые, Шэнь Цинсюань защитил его, не задумываясь о последствиях, и Сун Цзывэнь отбросил все сомнения.

Так было и сейчас: Шэнь Цинсюань стал для него всем.

Вскоре он обнаружил, что придворная жизнь Наньнина — это клубок интриг и борьбы за власть. То, что казалось ему непостижимым и изнуряющим, для Шэнь Цинсюаня было лишь игрой.

Тот помогал ему укреплять власть, гасить распри и очищать ряды чиновников. Сун Цзывэнь пожаловал ему титул Регента, чтобы тот мог законно входить во дворец и вершить судьбы страны.

Не прошло и полугода, как в Наньнине не осталось голосов против, если не считать великого наставника Цзянь Пина. Впрочем, тот, отправившись в путешествие к друзьям, по несчастливой случайности погиб под обвалом в горах на обратном пути.

Сун Цзывэнь понимал, что все эти годы Шэнь Цинсюань неустанно трудился ради его трона. И если придворные кого-то и боялись, то это был не номинальный правитель, а стоящий за его спиной Регент.

Сам же император всё больше охладевал к государственным делам, находя утешение лишь в живописи и созерцании природы.

Шэнь Цинсюань смотрел на Сун Цзывэня, чье лицо выражало одновременно скорбь и кокетливое упрямство, а в глазах читалась обида. Регент невольно нахмурился.

— Яньсю, ты правитель страны. Это твой долг, от которого нельзя отказаться.

— Но эти дела кажутся такими скучными, я многого не понимаю... Если бы наследный принц был хоть немного старше, — Сун Цзывэнь обмяк, прильнув к груди Шэнь Цинсюаня, и его тонкие бледные пальцы начали словно невзначай дразнить Регента.

Шэнь Цинсюань прекрасно понимал, что Сун Цзывэнь, проучившийся у Цзянь Пина всего несколько лет, имеет весьма поверхностные познания в управлении и просто не знает, с чего начать.

Но таков был его план. Он протянул руку помощи Сун Цзывэню не из жалости, а потому что хотел держать и Наньнин, и самого императора в своих руках.

У него были тысячи возможностей научить его, но он никогда не предлагал этого, а Сун Цзывэнь, по простоте душевной, никогда не просил.

Они жили в относительном спокойствии: когда Сун Цзывэнь не хотел заниматься бумагами, за него это делал Регент.

Сейчас время еще не пришло. Шэнь Цинсюань слегка улыбнулся:

— Яньсю, эти указы — дела государственной важности. Как бы они ни утомляли, они необходимы. Наследник еще слишком мал, чтобы разделить с тобой это бремя, так что тебе придется справляться самому.

Глядя на гибкое, словно лишенное костей тело красавца в своих объятиях и его ленивую позу, Шэнь Цинсюань беспомощно вздохнул.

Он ведь никогда не питал к нему любовных чувств. Лишь три года назад, на похоронах Цзянь Пина, услышав, как пьяный Цзянь Чжи в его объятиях выкрикивает имя Сун Цзывэня, он внезапно осознал, что к самому Цзянь Чжи начал испытывать недопустимые чувства. И когда он это понял, было уже поздно.

То, что он принимал за мимолетную симпатию, которую можно легко задушить, превратилось в глубокую бездну, из которой нет выхода.

Но его жизнь не должна была быть связана с мужчиной, который не принесет ему никакой пользы.

В ту ночь, напившись до беспамятства в глубине дворца, он не помнил, что делал.

Он знал лишь одно: когда он проснулся, рядом лежал император Наньнина. Его нежная, словно снег, кожа была покрыта следами, оставленными им самим, особенно там, где он был слишком неистовым.

С того дня он стал частым гостем в покоях Сун Цзывэня, оставаясь во дворце Цинхуа через каждые несколько дней.

Во-первых, тело Сун Цзывэня было столь же прекрасно, как и он сам. Во-вторых, это был способ отвлечь Цзянь Чжи, чьи подсознательные взгляды на императора вызывали у Регента жгучую неприязнь.

Он хотел сам разлюбить Цзянь Чжи. Великое дело еще не завершено, и он не позволит ни одному человеку — включая себя самого — повлиять на исход.

Но... чем больше он старался, тем сильнее привязывался. Эти три года он сполна вкусил горечь тоски. Поначалу он пытался использовать Сун Цзывэня, чтобы заглушить желание к Цзянь Чжи, но...

Это было невозможно. Несмотря на то, что Сун Цзывэнь был покорным и никогда не противился его ласкам, как бы он ни терзал его...

Он не мог найти удовлетворения, потому что в его объятиях был не тот человек.

<http://bllate.org/book/21029/2138046>